

Только у нас Губерман «гарики» не перечитывает

Гагик КАРАПЕТАН, Иерусалим — Москва

— Могли бы назвать решающую причину вашего переезда из СССР в Израиль?

— Как-то возникло замечательное ощущение: одна жизнь кончилась, а на вторую пригласил Бог Курт Воннегут однажды сказал: любая возможность путешествия — приглашение на танцы от Бога. В 70-е годы о зарубежных поездках мы и не мечтали — захотели, как говорят уголовники, сменить судьбу. Поэтому по легкомыслию и беспечности ехали в белый свет, как копейку.

— Желание покинуть СССР находилось «в отказе» и ждали прорыва, наступившего в начале 70-х. Помню, мой интернациональный Тбилиси оставался семьями, домами... Когда вы почувствовали — штабам открыт?

— Да, тогда в воздухе витала эпидемия отъезда, которую заглушили в 80-м, до начала Московской Олимпиады. Но 10 лет спустя та же страсть вновь зарадила многих на психическом уровне. В результате — незадолго до развала страны ее покинули, наверное, миллиона два соотечественников. Половина приехала к нам. Теперь мне кажется, эпидемия эти захватили своим крылом чересчур большое количество людей, которым не следовало уезжать. Они сейчас очень несчастны.

— Вы оказались в Иерусалиме, потому что в родной Москве «перекрыли кислород»?

— Нет, мне дышалось очень хорошо. Потому что считался советским писателем. Жил на улице Расковой, потом у Речного вокзала, немножко у тещи, в Лаврушинском. Нам здорово платили за молчание: я написал предостаточно научно-популярных книжек. Но в СП не вступал, потому что безразличен. Затем вышли в свет два «негритянских» романа, которые я настроил под имена других авторов.

— Фраза «перекрыли кислород» из разряда субъективных. Так ощущали себя некоторые даже на верхушке власти, думая, что им не дают развиваться. Иные становились философами, работая в котельной. А я писал в стол, не думая о публикациях — они лет двадцать ходили в «самиздате». Ужасно приятно, когда сейчас приносят на подпись переписанные мои стишки.

— Ваша жизнь в лагерях разве не «черный период»?

— Речь идет о пяти годах очень легкого сидения. Тюрьма, лагерь, ссылка. Их не сравнить с отсидаками наших отцов и в истребительных лагерях. Ну, подлаживали немного, особо не перерабатывали — выжить можно было. Поэтому с недоверием отношусь к рассказам о лагерных кошмарах. Я благодарен Советской власти: за те 5 лет встретил множество интересных людей, написал сборник стихов, книжку «Дневник лагерный»...

— Тогда вас очень поддерживала теща, Лидия Борисовна Либендская, известная драматург и писательница...

— Она оставалась любящей тещей, матерью и бабушкой. К нам, в ссылку, приезжала раз в год. Мы с ней как-то выпили в соседней лавочке месячный, если не годовой, фонд очень вкусной кедровой водки. Еще я вспомнил эпизод, за который пожизненно признателен ей. В Лаврушинском много десятилетий ставится новогодняя елка, собираются друзья с детьми. На ней я всегда выступал Дедом Морозом. Но те 5 лет, что отсутствовал, наши елки обходились без Деда Мороза. Это, согласитесь, не фунт изюма.

— С чего началась новая жизнь в Израиле?

— С абсолютного нуля, без каких-либо надежд. Мы с женой не понимали, что делать. Как инженер я уже давно ничего не представлял — все позабыл...

— Кто вы по профессии?

— Закончил железнодорожный институт, год волил электровазы в Башкирии, много лет работал инженером-наладчиком, одновременно занимаюсь графоманией. И у жены Татьяна замечательная профессия для Израиля — филолог, специалист по Пушкину, работала в музее поэта.

— А как же родные, друзья, на которых, полагаю, вы рассчитывали хотя бы в первые месяцы?

— Они здесь слабые помощники. Хотя немного выручают советами, старыми вещами и, конечно, участием. Но, по счастью, быстро выяснилось: в Израиле много моих читателей. Вскоре я стал завывать стишки и этим жить.

— В какой части Иерусалима обосновались?

— Неве-Яков — северная окраина, небогатый район. Из территорий, захваченных в 67-м. Рядом арабские деревни.

— Граница — линия фронта?

— Я бы назвал линией ненависти.

— Что ощущаете, когда ходите по этим улочкам?

— Ничего. В арабских районах евреи не появляются, потому что это — смерть. Тогда как арабы спокойно разгуливают по нашим территориям. Потому что ни один еврей их никогда не обидит, кося не взглянет. Человек, говорит сибирские животноводы, не скотина — ко всему привыкает. У нас переполнены кафе и рестораны, вы заметили, как люди гуляют. Когда взрыв или теракт, перерезаются, спрашивают о знакомых. Привычно нормальная обстановка.

— Удалось выучить родной язык?

— К сожалению, не знаю его. Потому что лентяй. Если очень нужно было бы, конечно, выучил. А так общаться могу на уровне автобуса и базара. Теперь наших здесь 1,5 миллиона — с друзьями разговариваю по-русски.

— В чем и в ком разочаровались за 30 лет жизни в Израиле?

— Главное — встречи с собственным народом. Мы ведь жили в России в обаянии гениального мифа, который, видимо, придумали антисемиты и юдофобы: еврей, как правило, — научный сотрудник, бухгалтер, экономист... Человек с интеллигентной, более или менее умной.

Миф развеялся немедленно. У нас чудовищное количество идиотов по-еврейски: заперенные, с диким апломбом и категоричностью суждений. Кроме прочего, оказались: мы фантастически разные — евреи именные, марокканские, бухарские, эфиопы, российские, западные... Все кроется по форме сосуда, где росли от рождения. Поэтому у нас permanently происходит распри на почве культурных, этнических и иных различий. Не говоря уж о дискуссиях между ортодоксами, верующими и светской частью.

— В Тель-Авиве разрушился мой миф — никто так не дружит, как евреи. Когда признался в этом, на меня заикали...

— Да, мы тутко разобщены, но вместе с тем, как прежде, евреи отчуждали каждую десятину на храм, так и сейчас, чуть ли не весь мир — отдельные персоны, куца организаций — постоянно помогает нашему государству, населению...

— Тем не менее чуть ли не все, с кем общались, работают в двух-трех местах. Как вам удается зарабатывать на жизнь?

— Литературным и артистическим трудом. Я как театр-декламатор тяну: много выступлений в Израиле, США, Европе (особенно в Германии), Австралии, России. За год набирается партия гастроли-концертных месяцев.

— Наслышав о телередаче с вашим участием...

— Ес, к сожалению, полгода назад закрыли. А что вам наговорили?

— И хорошее, и плохое. Мол, сидят, разливают водку и ругаются...

— Мата не было. Может, иногда.

— Кто придумал оригинальный формат?

— Мы с Сашей Окунем, замечательным художником, очень известным в Израиле. Он — петербуржец, мы дружим уже четверть века — лет десять отработали на радио «Голос Израиля» (ныне — «Рака»), потом годик на телевидении.

После закрытия передачи мы получили очень много писем. Их надо было с презрением кинуть на стол наших бывших теленаучальников. Одна дама нашла точное выражение: интеллектуальный 30-минутный треп — большая ценность и редкость

в ток-шоу, поэтому смотрела с наслаждением.

Раз в неделю мы приглашали, на наш взгляд, интересного человека. Он приносил бутылку, или мы ставили (если приходил, например, старичок). Мы выпивали и разговаривали, как некогда это делали на кухнях — московских, ленинградских, киевских...

— Какие телебеседы отложились в памяти?

— Среди почти четырех десятков разные были герои: хирург необыкновенного таланта, историк, удивительный поэт Рената Муха, Дина Рубина — из литераторов, ученые — генетики, физики... Чуть интересовались спецификой каждого, немножко беседовали о жизни, былой и нынешней, не трогали политику. Поскольку выпивали, приходили и музыканты... Наша передача оказалась последней в жизни великого дирижера Юрия Аронвича.

— Когда пьют, как правило, возникают курьезы...

— Мы к телеформату не привыкли, не всегда вели себя раскованно, не всегда Сашей играли дружно — здесь парность чрезвычайно важна. За день записывали по три передачи. На заключительной порой были хо-роши. Одну беседу начальники пытались снять с эфира — дескать, ведущие напились. Мы потребовали вторичного просмотра. Выяснилось: да, были хороши, но разговор получился замечательный.

— Как протекает ваш обычный день в Иерусалиме?

— Абсолютно бездарно. С точки зрения творческого человека. Встаю, пью кофе, выкуриваю сигарету и сажусь что-нибудь читать. Если есть настроение, если попалась какая-то мысль, которую хочется украсть, работаю. Значит, ее нужно «запаковать» в паутинную рифму: писать стишок или кусочек прозы. Сначала ручкой, потом все переношу на компьютер, затем правлю.

— Дома есть кабинет?

— Да, в нашей 4-комнатной квартире. Когда его не занимают гости, я с удовольствием там живу и работаю. Что жестко в моем расписании — днем сплю часик. Давно привык. Не отказываю себе в вечернем просмотре американского боевика, а также в выпивке с друзьями или с женой.

— Что предпочитаете разливать в Иерусалиме?

— В последние годы полюбил виски (без льда и соды), доступный по ценам. Я не так богат.

— К водке возвращаетесь в России?

— Водку и здесь пью с удовольствием. Ситуационно.

— Мы беседуем, а рядом в любой миг может случиться взрыв, который удлинит маршрут жертв палестино-израильского противостояния. Как это влияет на творчество человека?

— Политикой не интересуюсь, телевизор не смотрю, газет не читаю, хотя в курсе дел: жена пересказывает. А взрыв... На день-два отключается. Ужасно, очень неприятное состояние, полностью выбивает из колеи. Остается только читать.

— Приглашали ли местные политики во время предвыборных кампаний в свои «команды»?

— Сейчас всех отвергаю. Когда-то очень активно агитировал за Эхуда Барака, о чем не жалею. Потому что впервые встретил человека, от которого пахнет гениальностью. А политиком он оказался неважным. Хотя сделал огромное дело, и это с годами здесь понимают. Раньше Барака дико ругали. Как игрок, он довел ситуацию до абсурда, обещая Арафату Бог знает что. Но Барак доказал всем: бесмысленно договариваться — мир Арафату не нужен, своя страна Арафата не беспокоит, война для него, как мать родная, он хочет умереть героем, накопив предвременно в Париже, на банковском счете жене, миллионы долларов, которые отбирает, вернее, ворует у родного народа.

— У людей, сопровождавших меня в поездках по Израилу, я интересовался их мнением по поводу существования с палестинцами. Есть ли у вас своя формула соседства на «линии ненависти»?

— Вы поступали очень осторожно: у каждого еврея

есть своя формула мироздания, правил поведения, человеческого общежития и даже того, что должен делать Господь Бог.

У меня никакой формулы нет, к сожалению. Но есть абсолютно глубокая убежденность — мирное сосуществование невозможно, мы обречены на непрерывное противостояние. Уверен, наша маленькая держава устоит, но тяжести будут сопровождать нас всегда. Потому что мы — бельмо в глазу восточной цивилизации со всеми ее прелестями и недостатками. Мы как некая маленькая Америка, ее сколок на Востоке. Наконец, Израиль, по-моему, в мировом общественном мнении превратился в «коллективного еврея». А отношение к еврею во все века было известным. И до сих пор не изменилось.

— Есть ли у вас младшее поколение, с которым беседуете о столь суровом их будущем?

— Сын и дочь. Соответственно, две внучки у дочери, внук и внучка у сына.

— На каком языке общаетесь?

— По-русски. К сожалению, это скоро прекратится. Русский у них кушый, только из любви к бабушке и дедушке они наши разговоры поддерживают. Думаю, вырастут — будут нас стесняться.

— Они связывают свою жизнь с Израилем или хотят переехать?

— Израиль — очень заразная страна. Я стремительно стал патриотом, о чем никогда не думал. «Патриотизм» в моих устах слово бранное. Его затаскали ком-

В Израиле живой классик выпускает книги за свой счет, в России его тиражи приближаются к ленинским

сомольские вожаки Страны Советов. И теперь его здесь замасливают, засаливают, грязнят. Тем не менее дружок слова нет. Кажется, те же чувства питают мои дети. Что будет с внуками, не знаю, но уезжать никто не собирается.

— Живете с ними под одной крышей?

— По счастью, нет. По-моему, которга — постоянно находиться рядом с любимыми детьми и внуками. Но живем недалеко друг от друга, поэтому видимся часто. Однако досуг с женой проводим с друзьями — пьем шампанское в вальсерах, потом все переносим на компьютер, затем правлю.

— Дома есть кабинет?

— Да, в нашей 4-комнатной квартире. Когда его не занимают гости, я с удовольствием там живу и работаю. Что жестко в моем расписании — днем сплю часик. Давно привык. Не отказываю себе в вечернем просмотре американского боевика, а также в выпивке с друзьями или с женой.

— Что предпочитаете разливать в Иерусалиме?

— В последние годы полюбил виски (без льда и соды), доступный по ценам. Я не так богат.

— К водке возвращаетесь в России?

— Водку и здесь пью с удовольствием. Ситуационно.

— Мы беседуем, а рядом в любой миг может случиться взрыв, который удлинит маршрут жертв палестино-израильского противостояния. Как это влияет на творчество человека?

— Политикой не интересуюсь, телевизор не смотрю, газет не читаю, хотя в курсе дел: жена пересказывает. А взрыв... На день-два отключается. Ужасно, очень неприятное состояние, полностью выбивает из колеи. Остается только читать.

— Приглашали ли местные политики во время предвыборных кампаний в свои «команды»?

— Сейчас всех отвергаю. Когда-то очень активно агитировал за Эхуда Барака, о чем не жалею. Потому что впервые встретил человека, от которого пахнет гениальностью. А политиком он оказался неважным. Хотя сделал огромное дело, и это с годами здесь понимают. Раньше Барака дико ругали. Как игрок, он довел ситуацию до абсурда, обещая Арафату Бог знает что. Но Барак доказал всем: бесмысленно договариваться — мир Арафату не нужен, своя страна Арафата не беспокоит, война для него, как мать родная, он хочет умереть героем, накопив предвременно в Париже, на банковском счете жене, миллионы долларов, которые отбирает, вернее, ворует у родного народа.

— У людей, сопровождавших меня в поездках по Израилу, я интересовался их мнением по поводу существования с палестинцами. Есть ли у вас своя формула соседства на «линии ненависти»?

— Вы поступали очень осторожно: у каждого еврея

ужасно. Не могу сказать: страна на подьеме. Но она на пути к свободе, которая обернулась пока мутной тенью вопреки нашим мечтам в 60-е годы. Мы полагаем: если дать свободу, все дальше пойдет вперед автоматически. Как видите, хорошего случилось мало. Но часто за Россию бывает страшно и стыдно — она не идет к тому, чтобы через два-три поколения ее граждан стать цивилизованной страной.

— Могли бы вспомнить ситуацию, когда в вашей компании стыдились за Россию?

— Однажды очень талантливый врач, профессор прозизнес монолог настолько возмущенно, с переклестом, что мы стали возражать, хотя он прав. Когда из «Норд-Оста» вывели живых заложников, а потом каждый четвертый погиб. Значит, их спасали не ради сохранения жизни людей, а ради престижа империи. Чтобы убраться террористов, которых, кстати, убили по-глупому — они могли многое рассказать. У нас так не поступают.

— Хотим мы этого или нет, но тема 5-го пункта (национальность в личной анкете) возникает, когда перечисляют Березовского, Гусинского, Ходорковского, Шохомского...

— Я привык к тому, что евреи в той или иной стране становятся чрезвычайно активной частью местного населения. Но в провинциальных российских городах, где я бывал (более двух десятков), подобный расклад менее заметен. Огромное количество россиян, в том числе миллионеров, такие же воры, бандиты, рэкетеры, убийцы.

— Какое впечатление произвела тема 5-го пункта (национальность в личной анкете) возникает, когда перечисляют Березовского, Гусинского, Ходорковского, Шохомского...

— Я привык к тому, что евреи в той или иной стране становятся чрезвычайно активной частью местного населения. Но в провинциальных российских городах, где я бывал (более двух десятков), подобный расклад менее заметен. Огромное количество россиян, в том числе миллионеров, такие же воры, бандиты, рэкетеры, убийцы.

— Какое впечатление произвела тема 5-го пункта (национальность в личной анкете) возникает, когда перечисляют Березовского, Гусинского, Ходорковского, Шохомского...

— Я привык к тому, что евреи в той или иной стране становятся чрезвычайно активной частью местного населения. Но в провинциальных российских городах, где я бывал (более двух десятков), подобный расклад менее заметен. Огромное количество россиян, в том числе миллионеров, такие же воры, бандиты, рэкетеры, убийцы.

— Какое впечатление произвела тема 5-го пункта (национальность в личной анкете) возникает, когда перечисляют Березовского, Гусинского, Ходорковского, Шохомского...

— Я привык к тому, что евреи в той или иной стране становятся чрезвычайно активной частью местного населения. Но в провинциальных российских городах, где я бывал (более двух десятков), подобный расклад менее заметен. Огромное количество россиян, в том числе миллионеров, такие же воры, бандиты, рэкетеры, убийцы.

— Какое впечатление произвела тема 5-го пункта (национальность в личной анкете) возникает, когда перечисляют Березовского, Гусинского, Ходорковского, Шохомского...

— Я привык к тому, что евреи в той или иной стране становятся чрезвычайно активной частью местного населения. Но в провинциальных российских городах, где я бывал (более двух десятков), подобный расклад менее заметен. Огромное количество россиян, в том числе миллионеров, такие же воры, бандиты, рэкетеры, убийцы.

— Какое впечатление произвела тема 5-го пункта (национальность в личной анкете) возникает, когда перечисляют Березовского, Гусинского, Ходорковского, Шохомского...

— Я привык к тому, что евреи в той или иной стране становятся чрезвычайно активной частью местного населения. Но в провинциальных российских городах, где я бывал (более двух десятков), подобный расклад менее заметен. Огромное количество россиян, в том числе миллионеров, такие же воры, бандиты, рэкетеры, убийцы.

— Какое впечатление произвела тема 5-го пункта (национальность в личной анкете) возникает, когда перечисляют Березовского, Гусинского, Ходорковского, Шохомского...

— Я привык к тому, что евреи в той или иной стране становятся чрезвычайно активной частью местного населения. Но в провинциальных российских городах, где я бывал (более двух десятков), подобный расклад менее заметен. Огромное количество россиян, в том числе миллионеров, такие же воры, бандиты, рэкетеры, убийцы.

— Какое впечатление произвела тема 5-го пункта (национальность в личной анкете) возникает, когда перечисляют Березовского, Гусинского, Ходорковского, Шохомского...

— Я привык к тому, что евреи в той или иной стране становятся чрезвычайно активной частью местного населения. Но в провинциальных российских городах, где я бывал (более двух десятков), подобный расклад менее заметен. Огромное количество россиян, в том числе миллионеров, такие же воры, бандиты, рэкетеры, убийцы.

зал Бронштейн, отец Троцкого, который от него отказался: делают революцию Троцкие, а отвечают Бронштейны.

— Когда и как возник жанр «гариков» — особый подвид литературы?

— В начале 60-х. Это старая российская традиция — Мятлев писал безумное количество четверостиший, был удивительного таланта поэт Дон-Аминадо (настоящая фамилия — Шполянский), современник Саши Черного... Я начал завывать свои четверостишия в пьяных застольях. Они пользовались успехом, поэтому стал писать. Наконец, мысли у меня кушые — в длинные стишки не укладывались.

— Кто придумал назвать их «гариками»?

— Сначала они именовались «дацзыбао». В 78-м в Израиле вышел мой первый сборник «Еврейские дацзыбао» — полная глупость. Искал название и вспомнил: я — Игорь, дома всегда звали Гариком. Мое ноу-хау оказалось чудовищно провокативным. Ныне появились тысячи ириков, вигетов, мариков, коликов, юликов... Около нас лежит книжица каких-то...

—...шпенталинок.

— Их сочинитель вручил мне визитную карточку, где он обозначен в качестве автора гимна Улмуртины.

— Помните реакцию издателей, когда вы впервые предложили «гарики» на обложке?

— Кто мог их отвергнуть, если в Израиле я до сих пор выпускаю книги за свой счет? А в России их печатают, получают мое разрешение, хотя я насчитал 12 пиратских книжек — все у меня на полке.

— Пытались остановить подпольные тиражи?

— Мой товарищ пошел к адвокату. Тот обрадовался: мы с ним едем огромный штраф! Через день он перешел и сказал, что берет свои слова обратно, от работы отказывается. Выяснилось, хозяйка четырех изданий из той дожины — ветерана афганской войны. «Если я им просто позвоню, — признался адвокат, — мне останется жить 40 минут — время поездки от их офиса до конторы, а жизнь дороже любого гонорара». И я перестал искать книжных бандитов.

— Какие «гарики» — рекордсмены по переизданиям?

— Первые — «на каждый день». Они же — любимые среди пиратов. Все, что писал потом, быстро выпускали крупные издательства, а бандиты не успевали наварить...

— Дом мой — Иерусалим, но Россия продолжает считать и ощущать главной родиной. Поэтому в душе ничего не раздваивается — у меня две родины: слишком много здесь прожил, знаю. Поэтому я везде дома.

— В России две проблемы — дороги и дураки — остаются вечными.

— Проблема дорог, думаю, исчезнет через два-три поколения. Я бы добавил кошмарное здравоохранение. Недавно навещал в столичной больнице приятеля, мне стало плохо от увиденного. Что касается дураков, проблема существует для тоталитарных стран. Другая вечная хворь России — казнокрадство и кражи, растение через коррупцию. Эта раковая опухоль немалым образом развела страну. Поэтому уже умницы — причина

российских бед. Причем эти люди считаются абсолютно честными во всех сферах. Кроме мест, где они берут или дают взятки. Мне кажется, эта проблема больше российская, нежели — советское наследие. Почему? Люди, которые столь усердно грабят родную страну, ощущают зыбкость своего существования, а поэтому хватают все подряд.

— Как приспосабливается к диаметрально противоположным темпам жизни в Москве и Иерусалиме?

— В России я — светлый бегун: хочу повидать огромное количество людей, подпитываюсь новостями, успеть что-то сделать... А в Иерусалиме неделями не выхожу из дома: читаю, пишу, сплю, гуляю.

— Есть «гарики», которые перечитываются?

— Нет, каждый живет сам. Иногда заглядываю в новые, если нужно по теме эстрадного выступления. Больше склонен восхищаться чужим творчеством. Меня поражает, когда люди пишут четверостишия, обожаю их читать. Например, очень люблю стихи Игоря Иртенева, многие знаю наизусть. Недавно в Одессе открыл для себя замечательного поэта-юмориста Векслера, пока мало кому известного. Но пишет он двустопица, по каламбурам немного похож на Андрея Кнышева. Всегда ужасное счастье — открытие нового автора.

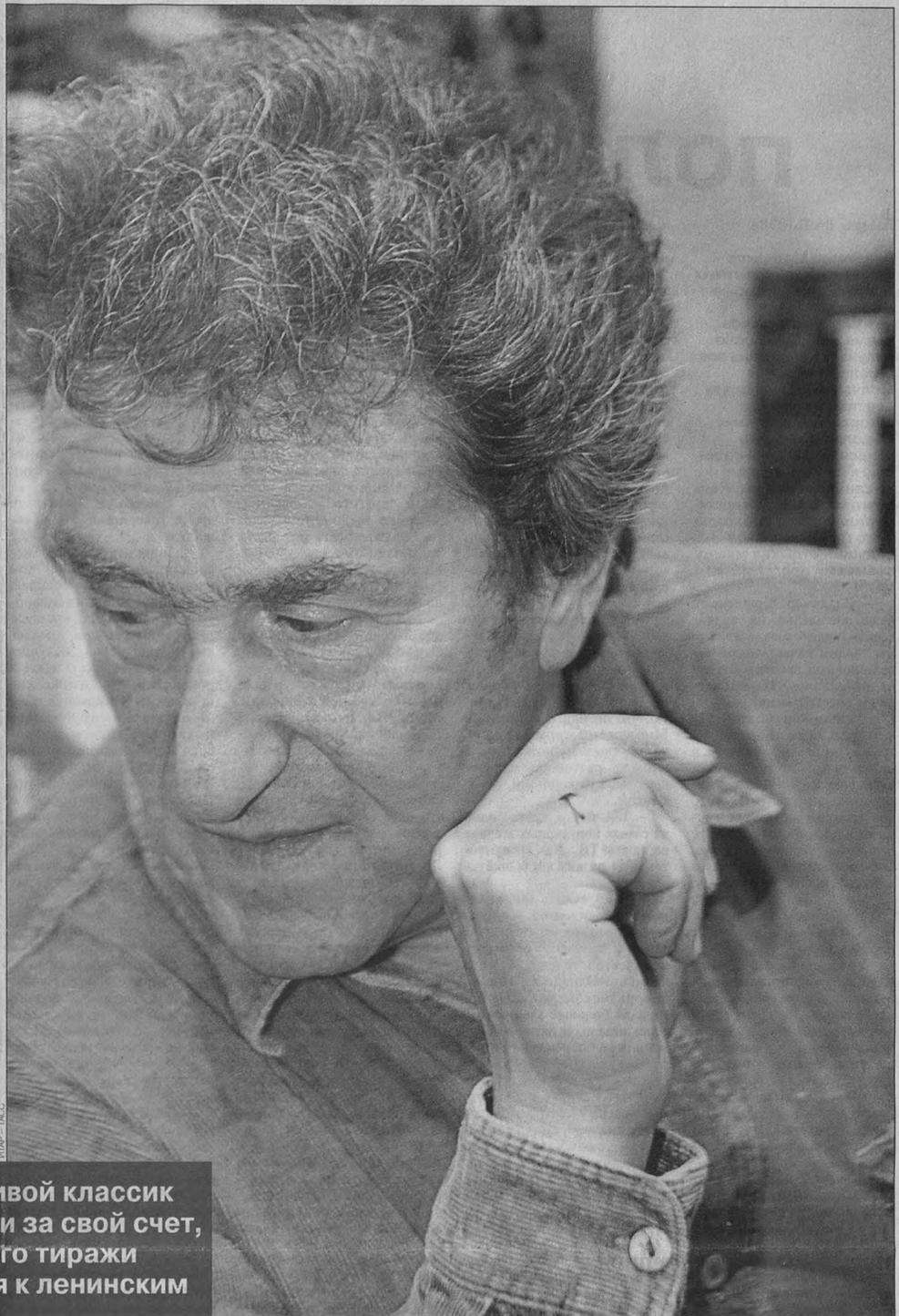
— Однако к вам тянутся и графоманы?

— Десятки! Присылают рукописи, просят в Союз писателей...

— Чтобы приехать к кормушке?

— У нас есть Союз русскоязычных писателей, но без льгот. Глупо, но многие хотят гордиться: я — член СП! Таких примерно 250 человек, пятнадцать из которых получили мои рекомендации. Когда звонит графоман: «Пришло рукопись — почтайте, пожалуйста», спрашиваю: «Для чего?» Если для получения совета, пусть идет, но если: «Хочу в СП!», отвечаю так: «Не надо ничего присылать. Только скажите, проза это или поэзия, и ваш адрес. Я напишу рекомендацию». Где использовать одну и ту же фразу: «примем г-на Н. сильно освежит СП, это большая честь, что он будет состоять в нашем союзе». От засилья графоманов настоящих литераторов не убудет. (Смеется).

— Лучшего казенного «гарика» трудно придумать!



ИТАР-ТАСС